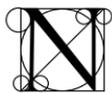

ДЖОН ГРИШЭМ

ДЖОН ГРИШЭМ
ШАНТАЖ

Издательство АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Г85

Серия «Гришэм: лучшие детективы»

John Grisham
THE BRETHERN

Перевод с английского *В. М. Заболотного*

Компьютерный дизайн *А.А. Кудрявцева*
Студия «FOLD & SPINE»

Печатается с разрешения литературных агентств
The Gernert Company, Inc. и Andrew Nurnberg.

Г85 **Гришэм, Джон.**
Шантаж : [роман] / Джон Гришэм ; [пер. с англ. В. М. Заболотного]. — Москва : Издательство АСТ, 2016. — 480 с. — (Гришэм: лучшие детективы).

ISBN 978-5-17-099489-2

Бывшие судьи, отбывающие срок в довольно уютной тюрьме во Флориде. Прежде уважаемые блюстители закона, грубо нарушившие его, уклоняясь от налогов, скатываясь до взяток и даже совершая бытовые преступления, они и «в местах не столь отдаленных» не утратили ни знаний, ни таланта, ни профессиональной хватки, ни желания разбогатеть.

Разработав почти безупречную схему шантажа, они и в тюрьме нашли способ отлично заработать, но однажды совершенно случайно оказались в центре большой игры очень могущественных людей. Тех, которые с любыми проблемами разбираются быстро и предельно радикально.

Теперь судьям-шантажистам остается лишь одно — сражаться за собственную жизнь в войне, где улики, мотивы и законы отходят на второй план, где не существует никаких правил...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-099489-2

© John Grisham, 2000
© Перевод. В.М. Заболотный, наследники, 2016
© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

Глава 1

По случаю очередного еженедельного судебного заседания главный шут облачился в свое обычное и уже ставшее привычным одеяние — изрядно поношенную и практически полностью выгоревшую на солнце пижаму темно-бордового цвета и бледно-лиловые купальные тапочки из потертой махровой ткани на босу ногу. Он был далеко не единственным обитателем этого заведения, который с утра и до вечера расхаживал в пижаме, однако только он мог позволить себе носить столь экзотическую обувь. Его звали Т. Карл, и в не столь отдаленные времена он владел сетью крупных банков в Бостоне.

Пижамы и пляжная обувь были далеко не единственными предметами его облачения, способными вызвать удивление у любого постороннего человека. Голову Т. Карла украшал выдавший виды парик, который его приятель, находившийся за стенами заведения, приобрел по случаю в каком-то магазине секонд-хэнд, что в районе Виллидж на Манхэттене, и преподнес в качестве почти бесценного подарка. Волосы парика разделял прямой пробор, крупные пряди, закрывая уши, тяжело спадали на плечи. Плотные завитушки парика были светло-серыми, почти белыми от времени, и по форме он напоминал старинные парики служителей магистратов в давно забытой старой Англии много веков назад.

Т. Карл надевал его только на судебные заседания и носил с необычайной гордостью, что создавало особую атмосферу на этом необыкновенном шоу. Все остальные

обитатели заведения старались держаться от него подальше и соблюдали определенную дистанцию вне зависимости от того, в парике он или нет.

Т. Карл подошел к складному и довольно грязному столу в тюремной столовой, постучал по нему пластмассовым молотком, который обычно заменял ему деревянный молоток председателя суда, тщательно прокашлялся и объявил громким голосом, преисполненным высочайшего достоинства:

— Встать, суд идет! Федеральный суд низшей инстанции открывает очередное заседание!

Никто в зале не шевельнулся. Во всяком случае, никто из присутствующих не сделал ни малейшей попытки встать или посмотреть в сторону председателя. Тридцать заключенных этой не совсем обычной тюрьмы удобно расположились на пластиковых стульях и как ни в чем не бывало продолжали болтать друг с другом, как будто ничего необычного в столовой не происходило.

— И пусть все обиженные и оскорбленные сомкнут свои ряды в поисках правды и справедливости, — торжественно изрек Т. Карл, не обращая ни малейшего внимания на столь пренебрежительное поведение публики.

Но и на сей раз его слова не произвели должного эффекта. Никто даже не засмеялся. Несколько месяцев назад подобное заявление вызвало бы если не взрыв хохота, то по крайней мере добродушный смех, но сейчас все это стало частью уже привычного шоу и никого, в сущности, не интересовало слова председателя.

Выдержав приличествующую моменту паузу, Т. Карл с достоинством уселся на пластиковый стул и самым тщательным образом поправил спадающие на плечи завитушки парика, вероятно, для того, чтобы они были хорошо видны всем присутствующим, а затем неспешно открыл толстый, обтянутый старой кожей журнал, который с некоторых пор служил книгой регистрации всех судебных дел.

В этот момент в тюремную столовую из примыкающей к ней кухни вошли три человека. Двое из них были обуты

и выглядели более или менее прилично, а третий что-то напряженно жевал и громко топал по грязному полу босыми ногами, загорелыми от длительного пребывания на солнце и совершенно лишенными какой бы то ни было растительности. Он был выходцем из Калифорнии, о чем свидетельствовала характерная для тех мест татуировка на икрах.

Все они были облачены в старые церковные одеяния бледно-зеленого цвета, отороченные золотой тесьмой, которые были подарены им самим председателем суда по случаю Рождества и, очевидно, были из того же магазина подержанных товаров, что и парик Т. Карла. Надев парик, он хотел показать, что весьма серьезно относится к своим обязанностям официального представителя судебного заседания.

Когда все трое судей в развевающихся одеяниях важно прошествовали к столу председателя, шаркая по полу, в зале послышался шепот. Приблизившись к столу, они медленно уселись рядом с председателем и обвели взглядом собравшихся. В середине этой высокопоставленной троицы оказался Джо Рой Спайсер — низкорослый и толстый мужчина, который в последнее время исполнял обязанности главного судьи, а в своей прежней жизни был хорошо известным и весьма почтенным мировым судьей в небольшом округе штата Миссисипи, где пользовался поддержкой подавляющего большинства жителей. В тюрьму он попал почти случайно, когда федеральные чиновники обнаружили пропажу части дохода от игры в бинго в местном клубе «Шрайнерс» и обвинили его во всех смертных грехах.

— Прошу садиться, — торжественно распорядился он, хотя никто и не думал вставать.

Судьи заерзали на пластиковых стульях, поудобнее устраиваясь и обворачиваясь в свои чересчур просторные одежды. Рядом с ними в позе, выражающей высочайшее почтение, стоял помощник начальника тюрьмы, но на него никто не обращал ни малейшего внимания. И только присутствие рядом с ним охранника в форме свидетельстествова-

ло о том, что перед собравшимися находится человек, наделенный определенной властью.

Собратья, как они сами себя называли, раз в неделю собирались в этой столовой, пользуясь великодушным разрешением тюремного начальства, и выслушивали взаимные претензии обитателей этого заведения, разрешали возникающие между ними конфликты, выступали посредниками в спорных делах, улаживали недоразумения, а то и драки между самыми отчаянными парнями, благодаря чему давно уже снискали себе заслуженную репутацию миротворцев среди обитателей этой не совсем обычной тюрьмы. Спайсер внимательно посмотрел на лист бумаги, подготовленный для него председателем суда, а затем бросил исполненный достоинства взгляд на присутствующих:

— Суд призывает всех к порядку и объявляет о начале заседания.

Справа от него сидел достопочтенный Финн Ярбер — крупный мужчина шестидесяти лет, осужденный за уклонение от налогов на семь лет, причем два года он уже отсидел и теперь терпеливо дожидался окончания срока. Всем желающим слушать его рассказ он часто повторял, что стал жертвой вендетты и крестового похода, который устроил губернатор Калифорнии — республиканец, вздумавший убрать Ярбера с весьма солидной должности председателя Верховного суда этого штата. Губернатор, по словам Ярбера, не мог смириться с тем, что давно слыл страстным противником смертной казни и, занимая столь высокую должность, делал все возможное, чтобы при каждом удобном случае задержать приведение в исполнение того или иного смертного приговора. Однако народ жаждал крови преступников и в силу этого обстоятельства пошел на поводу у непримиримого губернатора, отказав в поддержке председателю Верховного суда. В конце концов разъяренный губернатор вышвырнул судью на улицу, состряпал против него дело по уклонению от уплаты налогов, а Федеральная налоговая служба, естественно, нашла достаточно оснований, чтобы упрятать его за решетку на несколько лет.

Таким образом, человек, получивший прекрасное образование в Стэнфорде, был огульно обвинен в преступлении в Сакраменто, приговорен к семи годам тюремного заключения в Сан-Франциско и теперь коротал время в тюрьме во Флориде.

Несмотря на два проведенных в стенах этого заведения года, Финн Ярбер никак не мог смириться с несправедливостью и продолжал изливать свою горечь на каждого, кто готов был терпеливо слушать его печальную историю. Он по-прежнему свято верил в свою невиновность и не переставал мечтать о том благословенном времени, когда отомстит своим обидчикам. Однако мечты эти с каждым месяцем становились все более призрачными. В последнее время он все чаще пребывал в гордом одиночестве, часто проводил время на беговой дорожке, загорал и предавался сладким мечтам о новой жизни, которая, как ему казалось, ждала его за стенами ненавистной тюрьмы.

— Слушается дело Шнайтера против Магрудера, — объявил Спайсер с таким видом, словно речь шла о каком-нибудь грандиозном антитрестовском судебном процессе.

— Шнайтера здесь нет, — уточнил сидевший рядом с ним Хэтли Бич.

— А где же он? — последовал строгий вопрос.

— В лазарете, — ответил Бич. — Его снова беспокоят камни в желчном пузыре. Я только что оттуда.

Хэтли Бич был третьим судьей на этом заседании и знал, о чем говорит, так как большую часть времени проводил именно в лазарете, пытаясь хоть как-то вылечить свой застарелый геморрой, а заодно облегчить постоянную головную боль и хотя бы на время забыть о постоянно воспаляющихся гландах. Хэтли недавно исполнилось пятьдесят шесть, ему предстояло отсидеть за тюремными стенами не менее девяти лет, и он был самым младшим из трех судей. Фактически это означало, что он вполне может закончить жизнь на тюремной койке. Когда-то он был федеральным судьей в восточном Техасе и прослыл занудным консерватором, который назубок знал все священные кни-

ги и часто цитировал их тексты во время судебных разбирательств. В те давние времена у него были весьма серьезные политические амбиции, прекрасная семья и довольно много денег, регулярно поступающих из трастового фонда жены. Однако давняя страсть к выпивке погубила все его планы и в конце концов привела в тюрьму. Он пил много и часто, но до поры до времени об этом никто не знал, пока он не сбил машиной двух пешеходов в небольшом городке на реке Йеллоустон. Оба они, к несчастью, погибли, а его упекли за решетку. Разразился грандиозный скандал. Автомобиль, за рулем которого находился в тот день Хэтли Бич, принадлежал не ему, а молодой симпатичной леди, с которой у него были весьма романтические отношения. После аварии даму нашли на переднем сиденье совершенно голой и такой пьяной, что она не могла передвигаться без посторонней помощи. Суд был быстрым, Хэтли осудили на двенадцать лет заключения, что и погубило всю его юридическую и политическую карьеру. Таким образом, Джо Рой Спайсер, Финн Ярбер и Хэтли Бич составили так называемый суд северной Флориды низшей инстанции, более известный среди обитателей тюрьмы «Трамбл» под незамысловатым словом «собратья». Что же до самой тюрьмы, то она была не совсем обычной и отличалась от множества других федеральных тюрем минимумом охранников, максимумом свободы и практически полным отсутствием каких бы то ни было ограждений или высоких заборов с колючей проволокой. Словом, если человек осужден на длительный срок, то лучше всего коротать это время в «Трамбле», а не в обычной федеральной тюрьме.

— Что же нам с ним делать? — спросил Спайсер, повернувшись к Бичу. — Принять решение в пользу истца вследствие неявки ответчика?

— Нет, полагаю, слушание этого дела следует отложить на неделю, — ответил тот после некоторых раздумий.

— Ладно, — быстро согласился Спайсер, — не думаю, что он куда-нибудь убежит отсюда.

— А я решительно возражаю против переноса дела! — неожиданно воскликнул Магрудер с места.

— Весьма сожалею, — подчеркнуто вежливо остановил его Спайсер. — Слушание дела переносится на следующую неделю.

Магрудер порывисто вскочил:

— Слушание переносится уже третий раз! Я являюсь истцом по этому делу, давно уже подал иск и имею право на внимание суда. Тем более что этот человек скрывается в лазарете каждый раз, когда дело доходит до явки в суд. Сколько еще можно ждать?

— А из-за чего, собственно, между вами возник конфликт? — решил уточнить Спайсер.

— Из-за семнадцати долларов и двух журналов, — услужливо подсказал Т. Карл.

— Так много? — удивился Спайсер и покачал головой. Из-за таких денег в тюрьме «Трамбл» можно судиться бесконечно.

Сидевший рядом с ним Финн Ярбер явно заскучал. Одной рукой он стал поглаживать свою лохматую седую бороду, а длинными и не вполне ухоженными ногтями на пальцах другой медленно водить по столу. Потеряв в конце концов всяческое терпение, он притопнул и быстро осмотрел присутствующих. Когда-то давно, еще находясь на высокой должности председателя Верховного суда штата Калифорния, он выработал привычку топтать ногами, когда дело заходило в тупик и нужно было принять срочное решение.

— Слушание данного дела будет продолжено на следующем заседании, — твердо произнес он не терпящим возращения голосом.

— Отложенное правосудие есть отсутствие всякого правосудия, — угрюмо изрек Магрудер и плюхнулся на стул.

— Весьма оригинальное мнение, — ухмыльнулся Бич. — И все же придется подождать до следующей недели, когда мы наверняка вынесем решение в пользу истца в случае неявки ответчика.

— Решение принято, — торжественно объявил Спайсер волю суда, после чего Т. Карл внес в тетрадь требуемые изменения.

Магрудер сидел, недовольно насупившись и не скрывая своего недовольства решением суда.

Правила судопроизводства здесь были очень простыми и понятными. Иски должны быть четкими и максимально лаконичными. При этом не предполагалось абсолютно никаких расследований, а решение суда всегда было кратким и быстрым. Оно принималось на месте и без проволочек, чаще всего обе стороны признавали решение суда справедливым. Местное судопроизводство не предусматривало апелляций, так как апеллировать было фактически не к кому. Опрашиваемые по тому или иному делу свидетели, как правило, не присягали на Библии и не клялись говорить исключительно правду.

Разумеется, в таких условиях дача ложных показаний и лжесвидетельство были обычной практикой. В конце концов, дело происходило в тюрьме, а не в обычном суде.

— Что у нас дальше? — повернулся к Т. Карлу Спайсер.

Тот слегка замялся, а потом собрался с силами и решительно ответил:

— Дело Уиза.

В столовой воцарилась гробовая тишина, а потом вдруг послышался скрип старых пластиковых стульев и агрессивно-нервное ерзанье присутствующих. Шум и скрип в зале продолжались до тех пор, пока Т. Карл не вышел из себя и не призвал к порядку.

— Хватит ерзать! — громко воскликнул он, нетерпеливо взмахнув рукой. — Вы и так слишком близко придвинулись к судьям. — Действительно, внезапно возбудившиеся слушатели оказались на расстоянии менее двадцати футов от судейского стола. — Призываю всех к порядку и прошу не приближаться к судьям!

Дело Уиза рассматривалось в тюрьме «Трамбл» уже несколько месяцев. Он был молодым и весьма дерзким мошенником с Уолл-стрит и, по слухам, облапошил не одного

богатого клиента, скопив таким образом не менее четырех миллионов долларов. Уиз надежно укрыл деньги в одном из банков за границей и эффективно распорядился ими из тюрьмы. Ему осталось сидеть еще как минимум шесть лет, после чего он должен был выйти на свободу. К тому времени ему будет сорок и он вполне сможет насладиться жизнью миллионера. Все обитатели «Трамбла» считали, что он ведет себя достойно, тихо, не нарываясь на неприятности и с нетерпением ждет того момента, когда двери тюрьмы распахнутся перед ним и позволят добраться до сбережений. Никто не сомневался в том, что он сразу же улетит на своем самолете в какую-нибудь маленькую страну, где без особых проблем будет доживать оставшиеся годы. А слухи о его богатстве и предприимчивости с каждым днем все активнее циркулировали среди обитателей тюрьмы. Заключенные видели, что этот парень держится в стороне от остальных и почти все свободное время проводит за изучением финансовых сводок и анализом экономических публикаций, совершенно непонятных для непосвященных. Вскоре друзья по несчастью стали проявлять к нему повышенный интерес и попытались вырвать у него хоть какую-нибудь полезную информацию относительно выгодного вложения оставшегося на воле капитала. Причем больше всех преуспел в этом бывший адвокат по имени Рук. Он даже организовал своеобразный инвестиционный клуб, поставивший своей целью заработать приличные деньги на знаниях и опыте Уиза. Однако члены клуба прогорели, и вот теперь Рук от имени пострадавших подал иск в суд, обвиняя Уиза в очередном мошенничестве.

После объявления продолжения слушания дела Рук занял место свидетеля и начал горестный рассказ. Обычная процедура выступлений свидетелей строилась таким образом, чтобы можно было добиться истины самым коротким и быстрым путем.

— Итак, — продолжал показания Рук, — я подошел к Уизу и спросил его, что он думает о котировках акций новой интернетовской компании под названием «Вэльюнау»,

о которой я вычитал незадолго до этого в журнале «Форбс». Я знал, что акции этой компании вот-вот станут доступны широкой публике, и решил рискнуть. Тем более что с самого начала доверял этой компании и верил в ее неплохие перспективы. Уиз сказал, что посмотрит бумаги и посоветует, как поступить. Но я так ничего и не добился от него. Через некоторое время я снова пришел к нему и сказал: «Эй, Уиз, ну так что там насчет компании «Вэльюнау»?» Он заявил, будто это весьма солидная компания и скоро ее акции взлетят так высоко, что пробьют любую крышу.

— Я этого не говорил, — неожиданно воспротивился расположившийся в другом конце зала Уиз. Он, как всегда, был в гордом одиночестве и сидел неподвижно, облокотившись на спинку стула.

— Нет, говорил, — настаивал Рук.

— Не говорил.

— Как бы там ни было, — продолжал Рук, — я вернулся в клуб и объявил, что Уиз высоко оценивает перспективы этой компании, и вскоре мы приняли решение купить небольшой пакет акций «Вэльюнау». Но обычные люди не могут этого сделать, если у них нет определенных связей, ведь это закрытое акционерное общество. Посоветовавшись с друзьями, я снова пришел к Уизу и сказал: «Послушай, Уиз, ты не мог бы связаться со своими друзьями с Уолл-стрит и помочь нам купить несколько акций этой фирмы?» Уиз немного подумал и ответил, что, по его мнению, он мог бы помочь нам.

— Это ложь, — снова возразил Уиз.

— Тихо, — зашипел на него судья Спайсер. — У тебя еще будет возможность ответить на все обвинения.

— Он лжет, — не унимался тот, наивно полагая, что ничего подобного в тюрьме быть не должно.

— Несмотря на все это, — продолжал меж тем Рук, — мы решили сыграть на фондовой бирже и неплохо заработать, заняв видное положение в компании «Вэльюнау». Наша стратегия заключалась в том, чтобы быстро ликвидировать все наши холдинги и консолидировать свой капитал.

— Консолидировать капитал? — удивленно переспросил судья Бич. Рук говорил так, словно был многоопытным банковским менеджером и финансовым магнатом, распоряжающимся миллиардами долларов.

— Совершенно верно, консолидировать, — подтвердил Рук. — Мы влезли в долги, заняли деньги у друзей, родственников и таким образом собрали почти тысячу баксов.

— Тысячу баксов... — задумчиво повторил судья Спайсер и покачал головой. Неплохой результат для тюремных заключенных. — Что же случилось потом?

— Потом я снова встретился с Уизом и сообщил, что мы готовы к самым решительным действиям. Как сейчас помню, это было во вторник. Я спросил его, может ли он помочь нам приобрести пакет акций нужной нам компании. Уиз сказал, что нет никаких проблем, поскольку у него есть близкий приятель в компании «Голден сакс» или что-то в этом роде и он может оказать нам такую услугу.

— Он снова лжет! — выпалил Уиз из дальнего конца зала.

— Не обращайтесь на него внимания, — продолжал как ни в чем не бывало Рук. — Так вот, в среду я снова встретился с Уизом в восточном дворике и опять спросил его насчет акций. И он еще раз подтвердил, что нет никаких проблем.

— Вранье, — парировал тот.

— У меня есть свидетель.

— Кто? — оживился судья Спайсер.

— Пикассо.

Пикассо сидел позади Рука, как, впрочем, и все остальные шесть членов так называемого инвестиционного клуба. Услышав свое имя, он неохотно помахал рукой.

— Это правда? — спросил Спайсер.

— Да, — ответил тот. — Рук действительно спросил Уиза насчет акций, и тот ответил, что готов помочь нам. Он так и сказал: «Нет проблем».

В зале весело захихикали. Пикассо неоднократно выступал в суде в качестве свидетеля, и почти всегда его уличали во лжи.